

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 119 (3620)

Суббота, 6 октября 1956 г.

Цена 40 коп.

Советские лоцманы на Суэцком канале

Пароход «Декабрист» водоизмещением 10.000 тонн, порт приписки — Владивосток, груз — для Одессы) бросил якорь на рейде порта Суэц.

Пришел он в полдень и, внахит, опоздал: караваны начинают свой путь по каналу утром. Команде только и оставалось, что ждать следующего дня да наблюдать, как подходят и становятся на рейд новые суда.

Когда рассвело, на рейде собралось 26 судов. Танкеры — они всегда возглавляют караваны — уже начали входить в канал, когда у борта «Декабриста» появилась шлюпка с прожектористами, затем еще две шлюпки с четырьмя швартовщиками. Таков порядок в Суэцком канале: два прожекториста с прожектором и четыре швартовщика, швартовщик в случае надобности судно к бочкам или береговым кнехтам, — непременно участники проводки судна через канал.

Только подняли на борт эти три шлюпки, как появилась еще одна — опять с прожектористами.

— Прожектористы уже на борту! — крикнул им помощник капитана.

— Мы знаем, — ответили новобригады. — Но нам надо в Порт-Саид, а ни британские, ни французские суда нас не берут. Подняли на борт эту шлюпку, затем еще одну, а там и еще две. Семь шлюпок с незначительными пассажирами оказались на борту советского парохода. Египтяне повеселили. Они приветливо улыбаются новым знакомым.

Подшел, наконец, и лоцманский катер.

Должно быть, такой уж выпал «Декабристу» день, чтобы принимать на борт работников канала сверхкомплект: на «капитанский мостик» поднялись не один, а два лоцмана. Оба были в белой лоцманской форме, оба загорелые, но по-разному: один почти до черноты, а другой посветлее.

По неписанному, но неурочному закону лоцманам предложили виски. Первый, как полагается,

выпил и поблагодарил, другой поблагодарил, но пить не стал.

— Нет, виски не пью, — сказал он по-русски.

И когда все вокруг смолкло от неожиданности, добавил:

— Что же вы молчите, братцы? Ведь мне по-русски поговорить хочется.

Лоцманом-дублером оказался Сергей Попов, лишь недавно оставивший должность старшего лоцмана Одесского порта. Стаж его работы на Суэцком канале был невелик: лишь за пять дней до этого самолета, поднявшийся с летного поля Московского аэродрома, доставил его вместе с группой других лоцманов через Будапешт, Белград и Афины в Каир.

Рейс на «Декабрист» был третьим лоцманским рейсом Попова, но именно он, а не старый, опытный лоцман вел советское судно через канал. Тот только наблюдал за работой новичка, следил, как быстро и правильно читает сигналы береговых станций, как точно выдерживает дистанцию с другими судами каравана, и коротко, одобрительно говорил: «Хорошо».

Попов был едва ли не лучшим среди одесских лоцманов. Это он нынешним летом ошвартовывал у одесского причала семнадцатитысячетонную «Марсельзу» с иностранными туристами. Это его вызывал капитан порта всегда, когда предстояла особо ответственная лоцманская работа.

— Тут, на Суэце, — рассказывал он соотечественникам, — был такой порядок: лоцмана-египтянина ставили подлодку стажировать. Делалось это для того, чтобы отбить у египтян охоту к лоцманскому делу. Нам предлагали стажироваться месяц, но, думаю, для этого хватит и десяти дней. Еще неделю проходу дублеров, а там начну работать самостоятельно.

Тем временем «Декабрист» шел по каналу. И весь день, пока с берега можно было разглядеть советский флаг на корме

и советскую эмблему на трубе, развевалась удивительная демонстрация. Автомобили оставались на месте, люди выходили из машин и приветливо махали руками. Отдыхавшие на пляжах вставали и кричали слова приветствия.

Рассказ этот я услышал на борту «Декабриста» в каюте первого помощника капитана Г. Евсеева. Он долго и подробно говорил про встречи на Суэцком канале, при воспоминании о которых у моряков судна теплее становится взгляд.

«Декабрист» привартован у причала Одесского порта. Вдоль его высокого борта непрерывно движутся могучие краны, опускают ковши в глубокие трюмы судна, выгружают уголь.

— Вот выгрузимся, прочитим, промоем трюмы, возьмем новый груз и в путь, — говорит Евсеев.

— Куда?

— Да обратно, в Египет. Хлеб повезем.

На следующий день мне довелось услышать еще один интересный рассказ на эту же тему.

Старший механик танкера «Иваново» Н. Карабанов принес в редакцию газеты Черноморского пароходства «Морак» очерк и снимки, повествующие о том, как советские лоцманы Владимир Тарасов и Юрий Иеронов проводили их судно через канал.

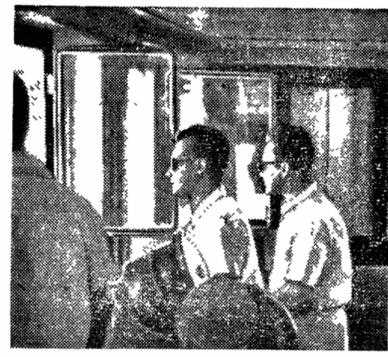
Прошел еще день, и в Одессе приняли радио из Суэца, с борта танкера «Грозный». Вот что рассказывал его капитан И. Панченко:

«Проводку нашего теплохода осуществлял лоцман-египтянин Салиман. В нашем караване шло итальянское судно «Европа», на котором проходил стажировку лоцман — советский капитан дальнего плавания Рюрик Лавров. Египтяне с воодушевлением приветствовали флаг нашей Родины. Собираясь группами на берег, они хором кричали по-русски: «Здравствуйте, товарищи! Как живете? Счастливого плавания!». Автобусы, автомашины и мотоциклы останавливались на выездах в пути, звуками приветствия караваны. Движение по Суэцкому каналу четко налажено, лучше организовано, чем раньше».

И вот только что пришло новое сообщение: «Первые советские лоцманы, закончившие стажировку, повели суда по Суэцкому каналу».

Б. ДУНАЕВСКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ОДЕССА

Советские лоцманы В. Тарасов и Ю. Иеронов ведут танкер «Иваново» по Суэцкому каналу.

ЭЛЕКТРОПОЕЗД ИДЕТ НА ВОСТОК

1. Эту телеграмму, опубликованную в конце августа, мне довелось прочитать в экспрессе Москва — Пекин, когда поезд подходил к станции Иркутск.

«Коломна» (ТАСС). Сегодня коллектив завода имени Куйбышева закончил выпуск паровозов. Прошел заводской обкатку и слан заказчик пассажирский локомотив, на тендере которого выведена цифра «10420». Ниже ее выделена надпись: «Последний паровоз постройки Коломенского завода».

Мой попутчик — железнодорожник, — хлопнув рукой по газете, сказал: — Последний паровоз! Кончается царствование пара и на железной дороге. Вот полюбуйтесь! — И он протянул руку к окну.

За окном тянулись электропровода Восточно-Сибирской дороги. Да, и по этой дороге уже мчатся электропоезда!

Мой попутчик Иван Казимиров выезжал тут все пути котеларом, помощником машиниста, машинистом, студентом-практикантом и, наконец, начальником локомотивной службы дороги. И вот теперь этот старый паровозник с гордостью говорил о том, что на смену паровозу пришел электропоезд.

Мне всегда казалось, что ничто не может сравниться с поездкой на паровозе. Жаркая, яркая, сверкающая, лоснящаяся жаром, огнедышащая, парящая машина мчит вас вперед. Под пол ногами раскачивается, точно палуба корабля. Ветер свистит в ушах, ветер пронизывает всю кабину, а мимо окна пролетают розовый пар, золотые искры, зеленые огни.

Но вот и этой машине, отяжелевшей паровозом больше века, пришло время уступить дорогу своим достойным потомкам — электропоезду и тепловозу.

Бездумные поезда недавно еще были в диковинку. Но скоро придет время, когда такой же диковинкой покажется паровоз, ведущий поезд по дорогам нашей страны. Машина эта будет производить такое же впечатление и покажется такой же странной, как ныне показались бы тройка с бубенцами на улице Горького.

В шестой пятилетке намечено ввести в действие в три и шесть десятых раза больше новых электрифицированных железнодорожных линий, чем за пятую пятилетку.

Теперь на одной только Восточно-Сибирской магистрали должно быть электрифицировано около 800 километров главного пути. Она будет частью общей, самой крупной в мире непрерывной электрифицированной магистрали Москва — Иркутск.

Много ли осталось времени до тех пор, когда мы, разместившись в вагоне электропоезда, помчимся из Москвы мимо Куйбышева, Челябинска, Омска, Новосибирска, Иркутска и подем дальше, не ощущая запаха гари и не останавливаясь без поезда на подьемах, не боясь морозов и буксования, в бездумном и стремительном электроэкспрессе?

Нет, времени до этого осталось мало, всего четыре года, как это определяют директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану. А если исходить из темпов, которыми осуществляется план электрификации сейчас, в первые годы пяти-

БЕСЕДА С КОРЕЙСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

НА КАНАУНЕ СЪЕЗДА

В понедельник 8 октября открывается второй съезд корейских писателей. Со времени первого съезда прошел сравнительно небольшой срок, всего три года, однако это был период активной творческой деятельности молодой писательской организации. Корреспондент «Литературной газеты» побывал в правлении Союза корейских писателей в Пхеньяне.

В беседе приняли участие ответственный секретарь Союза корейских писателей Се Ман Ир, заместитель председателя Союза поэт Пак Пар Ян, писатели Пак Хе Ен, Кан Хе Суя, Пак Ен Гын.

Отвечая на вопрос: «Какими успехами встречает свой съезд корейские писатели?», Пак Пар Ян рассказал:

— За последние три года корейские писатели создали немало значительных художественных произведений. Прозаики, поэты и драматурги опубликовали или подготовили к печати произведения, посвященные освободительной борьбе корейского народа против японских колонизаторов, отечественной освободительной войне, трудовым подвигам народа в годы мирного строительства, дружбе корейского народа с народами Советского Союза и Китая, социалистическому преобразованию деревни. За эти годы были закончены такие крупные прозаические произведения, как роман Хан Сер Я «Снежные горы», посвященный борьбе крестьян против японского колониализма, 2-я часть трилогии «Туманган» старшего корейского писателя Ли Ги Ена (по названию местности), в котором показана жизнь крестьян после освобождения

Т. ТИМОФЕЕВА, соб. корр. «Литературной газеты»

страны Советской Армией. Поэты подготовили к съезду писателей несколько сборников своих новых стихов. Вышли книги стихов Пак Се Ена, Ким Бу Вона, Ан Ен Мака и других. В области литературоведения заслуживают внимания сборник критических статей «Корейская литература за десять лет».

Председатель секции драматургии Пак Хе Ен рассказал нам о последних работах корейских драматургов и кинодраматургов.

— Одним из наиболее интересных произведений в области драматургии, — сказал Пак Хе Ен, — является драма «Волки» по мотивам рассказа Хан Сер Я. Авторы Се Ман Ир и Рю Ги Хэ создали яркую, волнующую пьесу. Спектакль «Волки» сейчас с большим успехом идет в Пхеньянском государственном драматическом театре. Уже состоялось более 100 представлений в Пхеньяне, а также в Ксоне, куда выезжала труппа театра. В пьесе показана тяжелая судьба и самоотверженная освободительная борьба корейского народа в период господства японского империализма. В пьесе Пак Хе Ен и Ли Се Ена «Мы сражались вместе», которую поставил Драматический театр провинции Южный Хамгён, отражена национально-освободительная борьба корейского народа в 30-х годах и боевая дружба корейского и великого китайского народов с тех времен и до наших дней. Тема социалистического преобразования корейской деревни поднята в пьесе Син То Сона «Наше село», которую будет ста-

вить Пхеньянский государственный драматический театр.

Пак Хе Ен рассказал также о том, как участвуют корейские писатели в развитии молодой корейской кинематографии.

— Наш кинематограф для выполнения решения III съезда Трудовой партии Кореи о том, чтобы ежегодно на экраны страны выпускалось 10 полнометражных художественных фильмов. Сейчас на экранах Пхеньяна и других городов Кореи с большим успехом идет новый художественный фильм о матросе-герое «Сын родины» по сценарию Чен Ду Пена.

В настоящее время идут съемки первого советско-корейского цветного художественного фильма «Рассвет на Востоке» по сценарию А. Перенцева, Се Ман Ира и Ким Сын Гу. Снимают его студии «Мосфильм» и «Чосонфильм». Основной темой фильма является дружба корейского и советского народов.

Одновременно заканчиваются съемки полнометражных художественных фильмов «Волки» по сценарию Се Ман Ира, «Путь зовет» по сценарию Хан Сан Уна, «Путь к счастью» по сценарию Чу Дон Ина и «Хребты Чанбуксана» по сценарию Юн Ду Хена. Находится в производстве целый ряд других кинокартин.

— Переведены и изданы на десяти языках, в том числе на русском, немецком, венгерском и других, рассказы ряда корейских писателей, — рассказал нам писатель Пак Ен Гын. — Вскоре выйдут на русский язык переводы романа Хан Сер Я «Сумерки» и сборник его повестей и рассказов. Вышел из печати сборник избранных произведений выдающегося писателя и мыслителя XVIII века Пак Ди Вона (псевдоним Пак Ен Ама).

В Корейской Народно-Демократической Республике постоянно переводится и издается современная и классическая зарубежная литература. Корейскому читателю близки и дороги имена Пушкина и Лермонтова, Горького, многих советских писателей, а также Лу Синя, Говарда Фаста, Луи Арагона, Анны Зегер, Пабло Неруды, Назыма Хикмета и других прогрессивных писателей современности.

Ответственный секретарь Союза корейских писателей, поэт и драматург Се Ман Ир заключил нашу беседу рассказом о подготовке корейских писателей к своему съезду.

— Коллектив наших писателей, — сказал он, — встречает съезд, как уже здесь говорилось, серьезными творческими успехами. Хочу добавить, что в период подготовки к съезду среди писателей развернулись особенно острые творческие дискуссии. Главной темой этих дискуссий являются вопросы решительной борьбы с пережитками буржуазной идеологии и буржуазных течений в корейской литературе. Среди некоторой части литераторов получила известное распространение теория огульного отрицания революционных и национальных традиций в корейской литературе. Отдельные критики дошли даже до того, что зачеркивали всю корейскую литературу доосвободительного периода.

Немалый вред развитию корейской литературы нанесли также сторонники теории «искусства для искусства», в частности Лим Ха, Ли Тхэ Дюн, Ким Нам Чен. Однако они также потеряли полный идейный край. Основной формой подготовки к съезду является активная творческая работа писателей, создание ими новых высококачественных и высокохудожественных произведений, достояния нашего времени, правдиво освещающих жизнь, борьбу и успехи нашего народа.

Се Ман Ир рассказал также о том, как «вторгаются в жизнь» и изучают ее корейские писатели.

— По решению правления Союза корейских писателей, — сказал он, — основной состав нашей писательской организации разрыхлялся во все уголки страны. Писатели уехали на один, два, три года. На местах они являются не просто наблюдателями, а активными участниками строительства новой жизни. Так, например, писатели, изучающие жизнь крупных заводских коллективов, работают там редакторами многотиражных газет, а писатели, живущие в деревне, заводят клубы, являются редакторами сельских газет. Всего выехало на периферию 38 писателей. Писатель Ли Сан Хен живет и работает на химическом комбинате «Понгун». Он является редактором газеты в Хамхыне, пишет хорошие рассказы о трудовых буднях рабочих комбината. Молодой поэт Ма У Рён живет на севере страны, на нефтеперерабатывающем заводе. Он также является редактором газеты. Другой молодой писатель, Квон Ден Рён, живет в деревне, работает заведующим сельским клубом, пишет о жизни крестьян. Пхеньян, сентябрь

СЛОВАКИ ПИСАТЕЛИ НА УКРАИНЕ

В Одессу прибыла делегация Союза словаческих писателей во главе с первым секретарем союза поэтом Цибором Штитничем. Гости пробудут на Украине две недели.

Комиссии по литературному наследству

Правление Московского отделения Союза писателей СССР создало комиссию по литературному наследству писателей Ивана Михайловича Васильева (председатель А. Перенцев) и А. Н. Тихонова (Сереброва) (председатель В. Лидин). Президиум правления Союза писателей Белоруссии образовал комиссию по литературному наследству еврейского поэта Изн Ха́ника (председатель — Г. Березкин).

Партийное собрание московских писателей

Освоение Сибири и Дальнего Востока и задачи писателей — этой теме было посвящено открытое партийное собрание московских литераторов.

Во вступительном слове секретаря правления Союза писателей СССР Р. Марков остановился на основных задачах писателя в связи с новыми замечательными днями советского народа, освобождающего бескрайние просторы Сибири и Дальнего Востока. По-новому в этих условиях ставятся и вопросы культуры, решение которых требует живого писательского участия.

Далее Г. Марков остановился на вопросах, связанных с жизнью литераторов Сибири и Дальнего Востока, и подчеркнул, что Союз писателей и «Литературная газета» должны внимательно относиться к их творчеству, которое зачастую оказывается забытым. Он говорил также о деятельности старших журналистов «Сибирские огни» и «Дальний Восток» и о необходимости создать в Сибири иллюстрированный журнал типа «Огонек», который мог бы оперативно информировать всеобщего читателя о жизни края.

Выступавшие на партийном собрании призвали писателей принять активное участие в осуществлении задач, поставленных партией и правительством по освоению

Сибири и Дальнего Востока. Е. Перминов рассказал о своей новой работе, появившейся в результате поездки на целину, и отметил, что писатели должны показать свое богатство, всю красоту и романтику Сибири, не замалчивая при этом и трудности, которых там немало.

Поездка на Алтай посвятил свое выступление С. Смирнов. Он говорил о героизме и мужестве тех, кто вырастил богатейший алтайский урожай.

— Иди туда и словом, живым и конкретным, завоевывай сердца. Писать об этих днях глубже и драматичнее — вот наш долг, — заключил он.

С большим интересом было выслушано выступление А. Твардовского, который сказал:

— Наша ближайшая и важнейшая задача — «утеплить» Сибирь, приобщить народ к этому краю. Литература не должна быть «квасной»: она должна правдиво отображать жизнь, и тогда читатель найдет в ней объект того, с чем довелось ему столкнуться в действительности. Наша литературная молодежь должна ехать в Сибирь и на Дальний Восток с тем, чтобы обрести там главную часть своей биографии.

На собрании выступили также В. Кучерявенко (Владивосток), И. Осипов и А. Калинин.

Открытие Дома И. Никитина

Более ста лет стоит в Воронеже домик, в котором жили, трудился и умер замечательный русский поэт Иван Саввич Никитин — уроженец Воронежа. Теперь этот

Дом-музей реставрирован. На днях состоялось его открытие. Заново оформлена экспозиция, повествующая о жизни и творчестве поэта.

Награждение Ф. И. Панферова орденом Трудового Красного Знамени

Указом Президиума Верховного Совета СССР в связи с шестидесятилетием со дня рождения и заслугами в развитии советской литературы писатель Федор Иванович Панферов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

В Парижской национальной библиотеке хранится свыше ста автографов И. С. Тургенева и ряд других ценнейших материалов, рассказывающих о том, как создавались многие произведения великого писателя.

Над изучением этого архива уже много лет работает ученый-славист, представитель Франции в Международном комитете славистов А. Мазон. В последние годы он нашел в архиве несколько неизвестных текстов и опубликовал ряд трудов о творчестве И. Тургенева (часть из них издана на русском языке).

На днях в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР состоялся доклад проф. А. Мазона о неизвестных текстах И. Тургенева. Французский ученый сообщил о своих недавних находках и прочел два найденных им текста. После доклада корреспондент «Литературной газеты» попросил профессора А. Мазона рассказать о судьбе этого архива. Вот что он сообщил:

— В 1911 году мне довелось познакомиться с господином Ж. Шамеро, затем Полины Вьярдо. Он хорошо знал Ивана Сергеевича Тургенева в последние годы его жизни. После смерти пи-

Найдены неизвестные произведения И. Тургенева

сателя все его рукописи остались в семье Шамеро. Наследник писателя, не владевший русским языком, естественно, не мог судить о ценности архива и любезно передал его мне для изучения.

Получив это сокровище, я принял все возможные меры к сохранению бесценных рукописей великого писателя. Они были инвентаризированы, после чего я составил полное научное описание всего архива. Оно напечатано в Париже в 1930 году, причем в приложение к описанию опубликовано несколько самых интересных текстов. Так, между прочим, увидели свет «Скорбный лист», записки которого вел Тургенев в последние дни своей жизни, несколько набросков «Степного короля Лира» и план повести о жизни парижского общества семидесятих годов.

В 1927 году я сообщил Академии наук СССР об архиве и обратил внимание историков русской литературы на самые интересные из найденных мною рукописных текстов (например, «Известные стихотворения в прозе, среди которых были такие шедевры, как «Дрозд», «Загробное письмо к П. Вьярдо», «Когда меня не будет...», «Куропатки», «Мои деревья»).

Теперь в Ленинграде я воспользовался случаем, чтобы познакомиться с новыми находками с некоторыми из самых старых своих черновиков, а по крайней мере два из найденных произведений предельно были великопознательны, законченности своей. Особенно ценно, что они относятся к наименее изученному периоду творчества Тургенева — к сороковым годам.

Большой интерес представляет и стихотворная легенда-драма «Искушение святого Антония». Это вновь обнаруженное произведение Тургенева более подходит для чтения, чем для театра, и в этом отношении оно заставляет думать о «théâtre en liberté» В. Гюго, о некоторых пьесах М. Метерлинка и о камерном театре нашего времени.

Теперь скажу о найденных отрывках комедии «Две сестры» и романа «Два поколения». В 1842 году молодой Тургенев начал писать пьесу «Две сестры». Работа затянулась, по требованиям цензуры «Две сестры» превратились в «Две женщины». Искания Тургенева завершились его известной комедией «Месяц в деревне», а проект романа «Два поколения» был автором оставлен.

В парижском архиве найдены еще две прозаические вещи: «Степан Семенович Дубов» и «Реформатор и русский немец». Первая содержит запись беседы автора с неким С. Дубовым — бывшим жандармским офицером, вышедшим в отставку и обосновавшимся в тихой провинции. Рассказ «Реформатор и русский немец» был написан, очевидно, для «Записок охотника». Он начинается с описания встречи автора на постоялом дворе с помещиком Ладьяным, который решил провести «реформу» в своем поместье. В конце рассказа, занимающего восемь рукописных страниц, мы узнаем о тяжелом положении крепостных. Рассказ по цензурным соображениям не был включен автором в «Записки охотника» и пролежал в архиве до наших дней.

— В заключение мне хочется пожелать, — сказал профессор Мазон, — чтобы встречи французских и советских ученых происходили чаще. Французские слависты внимательно следят за выходом новых трудов советских литературоведов. Тесное сотрудничество французских и советских ученых безусловно необходимо для обеих стран. Оно принесет громадную пользу для науки.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

Недавно Грачевский и Уманский районы Липецкой области соединились в один район — Уманский.

Умань — старинный городок. Грачевка — небольшая, отдаленный от железной дороги сельский район. И хотя район стал называться Уманским, всем было ясно, что маленькая «глубинная» Грачевка оказалась «старшей» в этом объединении.

На объединенном пленуме райкомов партии первым секретарем избрали секретаря Грачевского райкома Сергея Ивановича Гайдукова.

Уманцы настороженно приглядывались к Гайдукову, расширяли о нем у грачевцев. Те поносились, отшучивались: — Плохих не держим...

Уманцы узнали, что Гайдуков уже семнадцать лет работает первым секретарем райкома. По специальности он техник-строитель и еще — педагог. Заочно учится в Академии общественных наук, пишет диссертацию, сельское хозяйство знает так, что райкомовский шофер, проехав с ним эти последние три года, чуть ли не собирает сдвигать акстерном на агронома.

Узнали, что Уманский район — пятый, где Гайдуков работает секретарем: четыре предыдущих района вышли из отсталых в передовые.

На следующий день после объединения один из уманских председателей колхозов приехал в райком. Повод для этого нашелся, но на самом деле ему хотелось поглядеть на нового секретаря. Кабинет Гайдукова был пуст.

— Сергей Иванович поехал в колхозы, — сказали в райкоме. Председатель заспешил домой: в таких случаях лучше быть на месте. Он напел Гайдукова возле строящегося коровника.

Работа была в разгаре. Камешники заканчивали кладку стен. Здание получалось просторное, с большими окнами, высоко поднятыми над землей.

Тяжеловатой, чуть прихрамывающей походкой Гайдуков поднялся по мосткам. — Мы ведь говорили им, — гудел бордюрный, забрызганный раствором камешник, показывая мастером на председателя. — Зачем такая высота? Блаб, что ли, строишь? Разве зимой обогреть эту махину?

— Ничего, ничего, — ответил Гайдуков, позадоровившись с председателем. — Вы вот как сделаете... Он потащил камешника за локоть к стене. — Мы балки спустим ниже, и потолок пониже будет. А наверху выйдет тоток этот этаж для коров. Прекрасный коровник получится. Ого! Молодец председатель, такой коровник отстроил.

Уже давно отхотела от коровника светлая, выгоревшая на солнце машина, а бордюрный камешник все еще встрихивал головой, отвечая, видимо, своим мыслям: — Верно ведь, смотри-ка... На следующий день Гайдукова видели в колхозе имени Молотова.

— Снимаем надой, жмых коровы не едят, — жаловался ему председатель. И вот несколько человек склонилось над корытцами, в которых лежал нетронутый корм. Председатель колхоза, вытирая пот со лба, выпрямился: — Сами видите: все как надо делаем, а не едят.

Выпрямился и Гайдуков. Посмотрел укоризненно на председателя: — Эх, Алексей Прокопич! Да ведь жмых-то прокис. В жару он сразу скисает. Ну-ка, засыпьте свежего и не замачивайте. Ага! Что, не едят?

Большая рыжая корова подошла к людям, вздохнула, широко раздвинула розовые ноздри, и уткнулась мордой в корытце. За ней потянулись остальные.

Ветером в райкоме шло совещание. Один за другим выступали председатели, удивленно поглядывая на довольное лицо Гайдукова.

— Не едят коровы жмых. Надой снижают... — Алексей Прокопич, скажи, пожалуйста, а у вас коровы едят жмых? — весело спросил Гайдуков.

Владимир КОМИССАРОВ

— Да чего там, — откликнулся тот. — Еще как едят-те. Только надо сухим его засыпать, чтобы не прокисал...

Видели Гайдукова и под мамой Уманью, на Диком поле. Перед объединением райкомов грачевцы решили электрифицировать весь район. На это потребовалось бы много лесоматериала. Но их не было. Тогда столбы для линии высокого напряжения решили строить из железобетона. При двадцати годах эксплуатации такие столбы обходятся в двадцать раз дешевле, чем деревянные.

В одном из колхозов было организовано производство железобетонных столбов. Среди колхозников, отводящих столбы, на груде досок сидел Гайдуков.

— Что ж это, товарищи, плохо работает? — спросил он. — Слышал я: неплохо вы зарабатываете. Верно это? Ну-ка, давайте поговорим.

Колхозники смотрели в сторону, потом один из них, не отрывая взгляда от своей коричневой от ржавчины ладони, глуховато ответил: — Если правду говорить, верно, Сергей Иванович. Сомневался мы: работа трудная, непривычная. Как бы не прогадать. В колхозе мы бы побольше заработали. Ну, и настроения от этого нету.

— Ага! Давайте подсчитаем... Иногда кое-кто пожимал плечами: разве это дело секретаря райкома — следить за тем, как скармливаются жмых, растокорывать строениям, как лучше построить коровник, подсчитывать вместе с колхозниками их заработок? Некоторые спрашивали себя: пойдет ли работа, если секретарь райкома будет заниматься такими хозяйственными «детальками»? Не мелочная ли это опека? Однако сомневающихся на первый вопрос получили очень скоро ответ: те из них, кто был в райкоме и исполкомом в ответственных должностях, развлеклись по колхозам и стали сами заниматься такими «детальками».

Да, вначале все это было непривычно. А теперь чуть что не ладится, слышишь слова, которые так часто раньше можно было услышать в Грачевке: — Не выходит? Ага! Ну-ка, давайте вместе попробуем!

И пробуют... Побывала советская сельскохозяйственная делегация в Америке и Канаде, видела там летние лагеря для свиней, самокормушки... Очень интересно. Ведь в районе с каждым годом резко возрастает производство свинины. И снова едут партийные работники в колхоз: «Как, товарищи, будем делать самокормушки?». Колхозники переглянулись, осторожно спросили: — Это еще что за штука?

— А это такая штука, что можно на неделю свиньям корм засыпать. И труда ваш сэкономим, и свиньи всегда будут сыты. — Что ж, неплохо бы... — Так будем делать? — Да мы не знаем, как их строить. Дело новое.

— Ну-ка, товарищ председатель, давайте сюда три доски, пилу, гвозди, — просят Гайдуков. Через час-полтора на земле, блестя свежеструганными досками, стоял высокий узкий ящик. По откосам, сделанным внизу ящика, медленно стекала в корытчики желтоватая кукурузная мука. Животные одно за другим подходили к ящику, а спустя несколько минут и все стадо, чуть не сбивая с ног людей, бросилось в корытца.

Председатель колхоза помрачнел: — Э-э, этого-то я и боялся... Разве запашешься теперь на них кормом? — Скоро в летнем лагере стояли три самокормушки. А ведь если бы не показали Ларину, председателю колхоза имени Маленкова, что это такое самокормушка, то обязательно отвортели бы и не сдвинулись.

Однажды ранним утром возле домика председателя колхоза имени Кирова Николая Евдокимовича Кустова остановилась райкомовская «Победа». Колхоз этот — один из лучших не только в районе, но и в области. Кировцы получили в прошлом году свыше двух миллионов рублей дохода, а в этом году удаивают его. В этом колхозе все хорошо, но вот со свиноводством слабовато.

— Поедем, Николай Евдокимович, — сказал Гайдуков. — Буда, Сергей Иванович? — Кукурузу твою посмотрим.

Поехали. Кустов сидел в машине сзади Гайдукова невозмутимый, молчаливый и уверенный в самом себе. Время от времени он просил шофера «заворнуть» то на лешенцу, то на подсолнечник, то к стау коров, которые чуть заметными точками виднелись на горизонте. Ему хотелось показать все это секретарю райкома. Наконец поехали и на кукурузное поле. Ровная, мощная, поднялась кукуруза над землей...

— Сколко свиней можно было бы откармливать! — воскликнул Гайдуков. — Ничего, — спокойно откликнулся Кустов. — И молочко неплохое будет. — Это конечно, — согласился Гайдуков и обратился к шоферу: — Давай-ка в колхоз имени Маленкова.

Приехали в колхоз. Гайдуков ходил по летнему лагерю для свиней, восхищаясь: — Ах, молодцы! Ничего не скажешь: молодцы! Свиней-то, свиней-то! Ого! Это же целое богатство. Это же верных шестьсот тысяч дохода. Смотрите-ка, и самокормушки еще сделали. Видел, Николай Евдокимович, самокормушки? Посмотри-ка!

Кустов ходил следом за Гайдуковым с равнодушным лицом, перекатывая папироску в губах, потом начал сердито шурить и задумчиво покусывать мундштук папиросы. В конце концов он не выдержал, присел на корточки и принялся ощупывать самокормушки.

Из этого колхоза они поехали в другой. Там свиней оказалось еще больше. Всю обратную дорогу Кустов молчал, на вопросы отвечал неохотно, односложно и уже не прося шофера завернуть на поля своего колхоза. Вылезая из машины, председатель с досадой сказал: — Да, с животноводством недалеко у нас...

А уж если Кустов признал, что он неправ, то за дальнейшее можно не опасаться. Ему нелегко доказать, но если уж доказали, то Кустов свернет горы. Спустила несколько дней самокормушки появились и в колхозе имени Кирова. Так, день за днем знакомился усманцы с новым секретарем райкома, с его характером, с его стилем работы.

Вскоре после объединения районов испытывалась на прочность первый железобетонный столб для линии высоковольтной передачи. На берегу пруда, заваленном серыми огромными столбами, из Усмани и Грачевки собралось много народа. Инженер усманского «Сельэлектр», чубатый и возбужденный, бегал вокруг столба, командовал, шумел, волновался. Массивный железобетонный столб медленно вставал вертикально. Это была первая работа, которую грачевцы и усманцы делали сообща.

— Мы, усманцы, давно собирались электрифицировать район, да все никак не получалось... — А теперь вот и получилось, — просто ответил ему Гайдуков. На многие километры вокруг Усмани темнели отдыхающие после короткого урожая поля. Зелеными фонтанами поднималась высоко вверх оставленная на зерно кукуруза. Подсолнечник спелыми, набитыми зерном корзинками тянулся к набрякшей дождем туче, из-за которой проглядывало солнце. На многие километры вокруг слышался шум сельских строек. И словно ветром доносились с полей слова, которые так часто можно было услышать в Грачевке, а теперь нередко услышишь и во всем новом Уманском районе: — Не выходит? Ага! Ну-ка, давайте вместе попробуем!

УСМАНЬ, Липецкой области

Ярким электрическим светом озарены ветрами окна библиотеки в колхозе «Перемога» Красненского района, Выборской области. Здесь большой выбор художественной литературы, книг по сельскому хозяйству, а также периодической печати. На снимке: в сельской библиотеке. Фото В. СЫЧЕВА

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«КОМУ ВЕРИТЬ?»

Так называлась начатая в «Литературной газете» (№ 81 от 10 июля 1956 г.) заметка, в которой справедливо указывалось, что в некоторых экземплярах к двухтомнику А. Блока и тридцатитомному собранию сочинений М. Горького допущены расхождения в датах.

Руководство Гослитиздата со вниманием отнеслось к замечаниям автора заметки. Принимаются меры к тому, чтобы фактические данные, входящие в справочный аппарат издания, тщательно проверялись и устанавливались по всем авторитетным источникам.

Но в связи с этим нельзя не обратить внимание на тот разброс, какой, к сожалению, имеет место в наших энциклопедических и справочных изданиях. Вот примеры: год смерти поэта Володина по второму изданию БСЭ указан 1931, в МСЭ — 1932, Вальтера Скотта в БСЭ — 1832, в МСЭ — 1831; год рождения Ростана по БСЭ — 1868, по МСЭ — 1864.

Сравнение дат в указанных энциклопедиях с другими справочными изданиями делает картину еще более пестрой. Совершенно очевидно, что это создает немалые трудности как для составителей научного аппарата книги, так и для читателей.

Автор заметки «Кому верить?» прав, утверждая, что «расхождения дезориентируют читателя» и пора «серьезно ставить вопрос о беспощадной борьбе и с такого рода литературным браком». Но это надо отнести не только к работникам издательства, а к редакциям энциклопедий и словарей. Им стоит серьезно подумать над тем, как исправить имеющиеся в этих изданиях неточности.

В. ГРИГОРЕНКО, зав. редакцией русской классической литературы Гослитиздата

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

В октябре этого года исполняется 75 лет со дня рождения выдающегося украинского советского драматурга Ивана Антоновича Кочерги (умер в 1952 году). Творческий путь И. Кочерги еще мало освещен литературоведением. Надо собрать, систематизировать, изучить рукописное наследство писателя и его материалы, имеющие отношение к его жизни и творчеству. Институт литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук УССР обращается ко всем лицам, имеющим рукописи опубликованных и неопубликованных произведений писателя, фотографии, различные документы и пр., с просьбой выслать материалы или копии с них в институт (Киев, бульвар Шевченко 14).

Институт литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук Украинской ССР

Аллочка кивнула головой и закрыла глаза. Сейчас она могла сделать для Германа Ивановича что угодно. Она была влюблена. Все мысли ее были только о нем. Дежурство проходило, точно во сне. Она «заряжала» автоклав — и думала о нем, подавала инструменты — и бросала взгляд на него, стояла у стола — и чувствовала его рядом. Вчера они объяснились и сговорились к Октябрю сыграть свадьбу.

«Боже мой! — думала Аллочка. — Как я счастлива!» — Кажется, завтра новый фильм, пойдем? — спросил Герман Иванович. Аллочка не ответила, лишь потерлась щекой о его руку...

Орловский возвратился минут через пятнадцать и, опять становясь под кран, распорядился: — Аллочка, готовьте перебивание крови. Он пригласил Германа Ивановича мыться и, густо намазавая руки, начал рассказывать: — Привезли юношу. Состояние шока. Открытый перелом левого бедра в средней трети. Ну и ночь сегодня беспокойная!

Внизу хлопнула дверь. Глубое эхо разлетелось по этажам. Санитары, слегка пошатываясь и напрыгав, несли носилки. Пострадавший был укрыт одеялом, лежал неподвижно. Из-под одеяла высулилась рука и висела плетью, пальцами книзу. За санитарями шла дежурная сестра Ирина Петровна с пачкой истории болезни под мышкой.

Внизу хлопнула дверь. Глубое эхо разлетелось по этажам. Санитары, слегка пошатываясь и напрыгав, несли носилки. Пострадавший был укрыт одеялом, лежал неподвижно. Из-под одеяла высулилась рука и висела плетью, пальцами книзу. За санитарями шла дежурная сестра Ирина Петровна с пачкой истории болезни под мышкой.

— Введите морфин в сердечные, — распорядился Орловский. — Обязательно обложите грелками. Хирурги, держите руки перед собой, вошли в операционную.

Пострадавший, накрытый до подбородка простыней, лежал, закрыл глаза, тихо стонал и морщился. Это был крепкий, широкий в плечах парень. Хирурги встали друг против друга, по разные стороны стола. — Большой, — позвал Герман Иванович. — Не слышит. Глубокий шок, — сказал Орловский. — Как его фамилия? Ирина Петровна заглянула в историю болезни. — Прохоров. Слесарь.

ФЕЛЬТОН

Хилое дерево

— Граждане судьи! Мой подзащитная Цизина молода! Что ж из того, если даже она и обманула своего мужа...

Адвокат объяла подзащитную и прослезилась. — Говорят, Москва слезам не верит. Оказывается, Магнитогорск тоже не верит слезам. Народный судья не растерялся слезливым красноречием адвоката и призвал ее к порядку.

Десять лет тому назад истица Т. Цизина была довольно хорошей, но, к сожалению, очень болезненной девушкой. Она полюбила некоего молодого красавца и хотела выйти за него замуж, поскольку ждала ребенка.

Может быть, молодой красавец боялся, что узы Гименея стреножат его, как путь, а ему еще хотелось развиться? Или болезненный вид возлюбленной заставил его мысленно прикинуть, во что обиделся усилению питания и лечение жены? Так или иначе, но брак не состоялся.

Всякая другая девушка тяжело переживала бы утрату иллюзий и крушение надежд. Но Цизина не в пример прочим девушкам, была практичной. Вычитав все сроки, она решила, что к построению семейного очага нужно приступать немедленно, а с кем именно — это уже вопрос второстепенный.

И тут, на свою беду, приехал в отпуск из Магнитогорска в Винницу, где жила Цизина, металлург М. Витневский. Он не стал доискиваться, во что обиделся женщине и усилению питания, полюбившей девушкой. Он предположил ей, как говорится, руку и сердце. Говорится правильно, потому что сердце — это любовь, а рука — поддержка и дружба.

Цизина уцепилась за руку металлурга Витневского, а тот, счастливый и влюбленный, почувствовал себя ответственным за ее счастье и здоровье. Он был эгоистом. Сразу же после свадьбы Витневский отправил любимую супругу в сапаторий на Рижское море.

Но на восьмом месяце совместной жизни молодая жена очень испугала своего мужа преждевременными родами. Витневский страдал и волновался за жизнь матери и ребенка, но когда, наконец, увидел сына, его удивлению и радости не было конца: — Вот ведь и не в срок родился, всего семь месяцев, а какой крепкий!

Вскоре первые радости сменились первыми огорчениями, хотя жена вполне поправилась, расцвела и похорошела. Каждый год она ездил на курорт а, вернувшись, оживленная и веселая, откровенно делилась с мужем своими впечатлениями. Если бы она рассказывала про водопады, горные тропы и финиковые пальмы, он, вероятно, разделял бы ее восторги. Но она красочно описывала свои победы над мужскими сердцами...

Цизина знала из переводных романов и из кинофильмов, что победительницы мужского сердца должны ослепительно ослеплять. Но у металлурга Витневского не хватало средств для оформления жены под светскую львицу. Однако это ее не смущало, она занимала деньги у соседки, продавала вещи мужа и покупала платье или черную юбку лису, которая, по ее мнению, наилучшим образом придавала ей сходство с львицей.

Семейная жизнь складывалась совсем так, как мечтал Витневский. И вестяки он любил жену. Он верил ей, когда она лгала, прощал ее, когда она обманывала, и оправдывал, когда она была виновата. Он был похож на человека, который посадил перед своим окном хилое дерево, берег и лелеял его и не заметил, как дерево зарослось и заслонило в его окошке весь белый свет.

Семейные скандалы, к большому сожалению, — не такая уж редкость. Самый первый, как свидетельствуют древние книги, произошел между Адамом и Евой, а ведь эти люди как будто бы жили в раю, и чего им только не хватало?

Витневским не хватало многого: ему — заботы и внимания жены; ей — веселья. — Мне скучно с тобой, — говорила жена и вырывалась из рук мужа — студента вечернего института — учебник, назло гасила свет, чтобы он не мог заниматься, швыряла в него грелкой.

И вот супруги решили разойтись. Витневский добровольно стал выплачивать алименты, а затем вынужден был — измученный скандалами — оставить жене трехкомнатную квартиру, все вещи. Он очень любил сына и надеялся, что все как-нибудь еще «образуется». Он надеялся, пока не прочел письмо, случайно забытое Цизиной.

«...Очень хотелось бы, — писал жене Витневского молодой красавец, — повидать тебя и сына, однако считаю, что мой приезд в Магнитогорск при всех случаях не мог бы остаться полной тайной, что, безусловно, могло бы привести к неприятной по своим последствиям встрече с Мишей. Все пиши о себе и сыне».

Друг юности Цизиной запросто называл обманутого мужа Мишей и опасался только неприятных последствий... Михаил Витневский понял, что все эти годы он не был ни мужем, ни отцом. Он был ширмой, источником доходов. И когда он представил себе, как его жена

и молодой красавец потешались восемь лет над его мнимым отцовством, глумились над лучшими его чувствами, он понял, что этого простить не в силах.

Витневский возбудил судебное дело, отказываясь от отцовства. В качестве одного из доказательств он представил суду письма матери и сестры Цизиной, в одном из которых они писали ему: «...Она обманула не только тебя, дорогой Миша, но и мы оказались обманутыми. Просим тебя, хотя и не имеем на это права, еще раз простить ее. Ради ребенка. Ведь ты хочешь и не отец ему, но ты его вынуждал...»

Были представлены и другие документы, свидетельствующие, что Витневский обманул. Цизина рассудила, что некоторые доказательства излишни. Она, «деликатно» обидевшись с секретарем суда, изъяла из дела изоблачающие ее письма родных. Ни составленный акт, ни требования судьи вернуть документы не испугали ее. Она предвидела еще не один пересмотр дела.

Не один, не два, не три... Цизина отлично знает, что народный судебный суд защищает несправедливо обиженных и прежде всего оберегает детей, отводя от них невзгоды и горе. И вот она, еще совсем недавно заявившая мужу: «Забери от меня ребенка, он мне мешает!», — она выступает перед все более высокими судебными инстанциями в роли несправедливо и горько обиженной. Выступает, беззащитно спекулируя на наших демократических законах. Выступает три, четыре, пять раз. Плачет перед судьей, что ребенку нет еще семь, и в тот же день, именно в тот же день, заказывает себе в ателье костюм и атласный халат.

Пусть будет хоть дюжина халатов самой ослепительной расцветки, пусть только не служит любовью к ребенку маскировочной одеждой!

Если бы молодой красавец, на которого показывают мать и сестра Цизиной, хотя и с постыдным опозданием на восемь лет, но все же признался бы в отцовстве... Но пока что — не поймаи, не вор. Поиманным оказался один Витневский.

Дело слушалось в Магнитогорске, в Челябинске, снова в Магнитогорске. Суд считает доказанным, что Витневский — не отец ребенка. Но Цизиной не с кого больше получать алименты. Цизина обратилась в Верховный суд РСФСР с просьбой в шестой раз пересмотреть дело. Суд состоится снова в Магнитогорске.

На Магнитогорском металлургическом комбинате я встретался не только с героями этого фельетона. Мне хотелось выяснить, почему же на глазах у всех Цизина, экономист цеха, коммунистка, как только может, позорит Витневского, металлурга с двадцатилетним стажем, награжденного орденом Трудового Красного Знамени и медалями, неоднократно премированного за безупречную работу.

Многие на комбинате говорили мне: — В Магнитогорске не любят грязи. Лучше держаться в стороне, отмахнуться от всего этого. Очевидно, любители чистоты такого рода не понимают, что они отмахиваются не только от зловонных ныне бездомного-металлурга, вконец замученного судами и провокационными скандалами, которые устраивает чересчур эгоистичный экономист. Они отмахиваются и от судьбы восьмилетнего ребенка, втянутого в эту грязь.

Сейчас будущее ребенка целиком в руках его матери. Кто-то, а она-то знает и должна назвать суду имя подлинного отца. Может быть, коллектив, партийная организация комбината помогут гражданке и матери Цизиной сделать этот трудный для нее шаг? Ведь не враг же она своего сына, в конце концов?

Варвара КАРБОВСКАЯ, специальный корреспондент «Литературной газеты», МАГНИТОГОРСК

ОТ РЕДАКЦИИ. Недавно народный суд 1-го участка Сталинского района Магнитогорска в новом составе вновь рассмотрел дело Цизиной — Витневского. Суд подтвердил прежние решения.

В связи с этим в редакцию поступило от народных заседателей (машиниста паровоза И. Чебоксарова, мастера стекольного завода Н. Кочеткова, мастера наливочного завода Ф. Филиппова, фельдшера-анушера Н. Белянина), стюльра строительного управления К. Трубиной) письмо, в котором они выражают возмущение бесконечным сутяжничеством Т. Цизиной, ее развязным поведением на суде. Авторы письма подчеркивают, что судебные разбирательства дела Цизиной сопровождаются потоком анонимных в различных учреждениях и извещенческих выпадов против судей. При встречах с глазу на глаз с народными заседателями Цизина неоднократно оскорбляла их.

Народные заседатели сообщают также, что народный суд дважды направлял в партийный комитет металлургического комбината специальные письма с просьбой обсудить поведение коммунистки Цизиной. Однако результатов не последовало. Сколько же лет это может длиться! спрашивают народные заседатели. Этот вопрос редакция в свою очередь ставит перед общественностью комбината.

Тогда все трое — хирурги и Ирина Петровна — приблизились к ней. — Кровь только третьей группы, — прошептала Аллочка. — А у него какая? — почти одновременно спросили хирурги. — Первая.

Хирурги переглянулись между собой. Человеку с первой группой нельзя было переливать кровь третьей группы. — Черт знает что! — с досадой выругался Орловский. Аллочка заплакала. — Почему так получилось? Почему, я вас спрашиваю? — наступал Орловский. — Я не проверила... У меня была первая... Я думала, хватит, — сквозь слезы объясняла Аллочка. — Паразитная халатность! И где? И о чем вы только думаете во время работы? — Орловский хотел сказать что-то резкое, но сдержался. — Что же делать?

Никто не ответил. Прохоров неподвижно лежал на столе и тихо стонал. Аллочка всхлипывала. Положение создавалось угрожающее. Прохоров мог умереть. Переливание крови было необходимо. Без этого ни о какой операции нечего было и думать. А операция нужна была срочно, сейчас, немедленно. — Что будем делать? — повторил Орловский. — И опять никто не ответил. За окном разгулялся ветер. Мелко дрожали стекла. На крыше дребезжал и хлопал оторванный лист железа. — Знаете что, — сказал Герман Ива-

Владимир ДЯГИЛЕВ

РАССКАЗ

Однажды ночью

Молодому хирургу Васильеву Г. И.

За полночь. В домах погасли огни. Улицы опустели. Дворники, закутавшись в тулупы, сидят в подворотнях. Покрипывая, почивают уличные фонари. Где-то мчится машина. Долго-долго слышно, как гудит мотор.

В городской больнице только что закончилась операция. Хирурги, еще в масках, вышли из операционной. Усталыми, медленными движениями они разделись, сбросили с себя халаты, шапочки, остались в одних майках и принялись «размывать».

Хирург — высокий, гладко выбритый, с пучками черных бровей на скулатом лице, в Веселом Герман Иванович — еще совсем молодой, с приятной улыбкой, все время блуждающей по его открытому лицу, сутуловатый, как будто неуклюжий и нерасторопный.

— Все-таки здорово! — сказал он, глядя с восторгом на Орловского. — Полно вам, дружок. Мойтесь. Герман Иванович что-то еще хотел сказать, но только широко улыбнулся и потянувшись начал мыться.

Он весь был полон впечатлений от прошедшей сложной операции и в душе немного завидовал Орловскому — когда-то еще он научится так оперировать. А ему очень хочется стать хорошим, знаменитым хирургом. Собственно, из-за хирургии он и пошел в медицинский институт. Любовь в этой трудной профессии вспыхнула в войну, когда Германа, двенадцатилетнего мальчишку с тяжелой дистрофией эвакуировали в далекий тыл и поместили в госпиталь. Встав на ноги, он начал помогать сестрам — скатывая бинты, чистил инструментариум, готовил гипс. После долгих и настоятельных просьб Герман разрешил присутствовать на операциях. И вот тут-то он узнал, как чье-то чудо могут творить хирурги. И твердо решил стать хирургом. Все его добилось, но пока что до мастера ему далеко. Не скоро он сможет делать такие вот изумительные опера-

ции, какую только что провел Орловский. Герман Иванович сдержанно вздохнул и энергично принялся тереть свои широкие в кости, загорелые, мускулистые руки.

Хирурги мылись долго, разбрызгивая воду и пенырыня. Из соседней комнаты — стерилизационной — доносился тупой звон: это инструменты укладывали в автоклав, готовили, на всякий случай, к новой операции. — Фу, сто пудов с плеч! — сказал Орловский, отходя от крана и наклонясь, чтобы вода не стекала за ворот.

Капельки падали на паркетный пол, оставляя темные пятнышки. — Аллочка, дайте чем-нибудь обтереться. Из соседней комнаты появилась операционная сестра, вся в белом, — на ногах белые чулки, — и вынесла два полотенца. Одно она подала Орловскому, другое держала в руках, ожидая, когда Герман Иванович закончит умываться.

Орловский принялся растереть шею и голову, затем швырнул полотенце в угол, в кучу грязного белья, и потянулся за вторым. Но в этот момент Герман Иванович отошел от крана и Аллочка оспешила отдать полотенце ему. — Ну в ну! — покачал головой Орловский. Аллочка, подняв одно плечо выше другого, скрылась за дверью. Через минуту она вернулась и, поджимая губы, без слов протянула Орловскому марлевую салфетку. Из-под косынки у нее вылилась рыжая, завитая в колечко прядка и повисла, как серезка, над ухом.

— Волосы подберите, — строго заметал Орловский. Аллочка будто не расслышала и бровью не повела. — Ну-с, чайком побалуемся да можно и отдохнуть, — сказал Орловский с хрустом потягиваясь. — Эх, чаек! Хорошая это штука! Знаете, гу-

Аллочка держала в руках ампулу и молчала... Рис. худ. С. Андреева

стой, да с сахаром, да с малиновым вареньем! Послышались быстрые приближающиеся шаги. В предоперационную заглянула дежурная сестра в белой до самых плеч косынке, с крестиком на лбу. — Илья Матвеевич, вас в приемный покой. Срочно! — Вот тебе и чай с вареньем!

Орловский схватил халат и, на ходу надевая его, устремился в приемный покой. Когда за ним затворилась дверь, Герман Иванович позвал негромко: — Алла!

Аллочка не вышла, а выпорхнула из своей комнаты. Ее большие, чуть продолговатые кар

ПРЕКРАСНОДУШНАЯ СХЕМА

Г. ЛЕБЕВЬ

1. Человка вообще разгадать не легко, и подчас особенно трудно сделать это тогда, когда он окружен ореолом научного светила, когда у него высокие звания, печатные труды, кафедра, лаборатория, ученики. Как разобратся исповеднику в потоке мудреных терминов, в океане цифр, в путанице чертежей и схем? Как отличить безобразную преданность науке от прикрывающегося порой вонючими фразами стремления использовать науку как средство заработка, карьеры, удовлетворения мелкого тщеславия?

Не просто понять также, чем является человек и что из него получится, когда он еще на студенческой скамье или же в аспирантуре. Талантлив ли он или только усерден, по-настоящему увлечен своим призванием или «пыль в глаза пускает»? За последние годы появилось немало романов и повестей, изображающих мир ученых, жизнь вузов и научных учреждений. Можно назвать такие разные произведения, как «Открытая книга» В. Каверина, «Наше лето» Е. Успенской, «Студенты» Ю. Трифонова, «Ошибка профессора Орочева» Г. Гора, «Первое сентября» А. Акимовой. В этих книгах говорится о многом и роман Константина Лебедева «Люди и ступени». В нем в ряде мест ощущается полное знание жизни, характеров, складывающихся в вузовской среде, своеобразного вузовского быта. Существенная особенность романа — то, что автор касается в нем некоторых важных вопросов вузовской работы, некоторых болезненных явлений, заметно мешающих росту советской науки.

Все это должно возбудить у читателей интерес к первой книге молодого писателя. Скажем, однако, сразу: многое у К. Лебедева разочаровывает. Затрагивает он действительно серьезные проблемы, но по большей части очень робко, непоследовательно. А эта робость то и дело приводит писателя к художественно несостоятельному, поверхностному решению темы.

Как это зачастую бывает, удачнее других в романе персонажи второго и третьего плана. Хорош, например, у Лебедева «негнбимый комсомолец» Радис Шереметьев. Сколько таких молодых людей мы уже встречали на своем веку! Двадцатилетний юноша этот полон чувства собственного достоинства, он кичится своей выдержанностью, принципиальностью, прямой, он требователен и к себе и к другим, но требовательность эта такова, что он отталкивает от себя своих одноклассников. «Что это за тон!» — восклицает по его адресу один из студентов. — «Что ты такой, чтобы нас дразнить?.. Миллионер?».

Много живых черточек подмечает автор, рисуя образ другого студента, Васи Горшкова. Это — крайне беззаботное и легкомысленное существо. Ему нравится студенческое звание, но учиться он не любит. Хитроумные уловки Горшкова изображены К. Лебедевым с несомненным знанием дела. Но эволюция этого образа неудачна. За Васю принимаются товарищи и преподаватели, в особенности студент-фронтовик Степанов, и в конце концов, чуть ли не помимо собственного желания, Горшков становится отличником и вообще вполне порядочным человеком. Здесь чувствуется предвзятость: автор заранее решил, что его герой должен непременно переосмыслиться. Но какие для этого есть основания? К. Лебедев слишком уж поспешно расписывает отрицательные стороны Горшкова, и не видно, благодаря чему, благодаря каким своим задаткам он мог бы в дальнейшем перемениться.

Вопрос встает здесь не только о психологической убедительности образа. Речь вместе с тем идет и об общей «примиренческой» тенденции автора.

2. Кафедра физиологии, во главе которой стоит профессор Мещеряков, — основной плацдарм, на котором разворачивается в книге действие. Задумана фигура Мещерякова весьма интересно. Это человек самовлюб-

ленный, снисходительный огромным честолюбием. Когда-то, в молодости, честолюбие это побудило его ввязаться за разрешенной сложной научной задачи, за работу, потребовавшую от него нескольких лет большого, напряженного труда. За нее он получил звание доктора наук, и имя его было упомянуто на международном конгрессе физиологов.

Но так как в науке Мещеряков любил не столько самую науку, сколько самого себя, в дальнейшем он стал добиваться научной славы иными путями. Кропотливую черную работу по постановке опытов он стал перекладывать на плечи своих помощников, лекции почти перестал читать (назав это настоящей аудиторией — студентами?), даже статьи перестал писать сам, чтобы они не мешали его «мыслительному процессу», а писали их те, кто ставил опыты, и в печати они появлялись за двумя подписями, причем на первом месте, разумеется, шла подпись профессора Мещерякова. За собой Мещеряков оставлял лишь руководство научной работой, выдвигание «эффективных» тем. Если тема у одного из его сотрудников не давала ожидаемого результата, лабораторное место отводилось другому, и так до тех пор, пока любыми путями не подтверждался «снискомый» вывод...

Как это получалось, автор показывает на примере любимого ученика профессора, аспиранта Карчевского. Этот молодой человек, все помышления которого сводятся к тому, чтобы занять определенное место «под лучами научного солнца» и получить долгожданную степень кандидата наук, был раскусил своего славоблибного шефа. Сперва аспирант приносил Мещерякову действительно результаты своих опытов, но, понимая, что тому нужно, стал подгонять их фальсифицировать.

Для обрисовки образов Мещерякова и Карчевского многое взято из реальных жизненных наблюдений. Это, вероятно, видно и по нашему краткому пересказу. Но в то же время доверять эти образы не выводят. Слишком уж преувеличены беспомощность и опустошенность Мещерякова, формально находящегося на вершине своей научной славы. Очень «ж» элементарно промарили чиник и карьерист Карчевский. То, что преувеличение и заострение — законный прием искусства, и притом не только в произведениях сатирического или романтического склада, в доказательствах, конечно, не нуждается. Однако пример этот не универсален, в чем как раз и можно убедиться, прочитав «Люди и ступени». В действительности ученые, вроде Мещерякова и Карчевского, несравненно более циничны и пронырливы, чем эти последние, и бороться с ними гораздо труднее, нежели это изображает К. Лебедев. Неумелое «преувеличение» образов Мещерякова и Карчевского, которые ясны нам с самого начала, на деле ведет к преувеличению вредности этих субъектов и одновременно к художественному примитиву, к схеме.

Небезинтересно, сравнить Мещерякова с профессором Крамовым из «Открытой книги» В. Каверина. Между ними есть немало общего. Но ведь Крамов — умница, он выдвигает перед главной героиней романа, доктором Власенковой, такие возражения, на которые той чрезвычайно трудно ответить, да и вообще голыми руками его не возьмешь. Крамов действительно опасный противник, чего никак нельзя сказать о Мещерякове.

Отрицательные персонажи, впрочем, все же удались К. Лебедеву более, чем положительные его герои. Упомянутый выше Степанов, ассистент Беркутов, профессор Петров до того прямолинейно «сплохотливы», что совсем уж не похожи на живых, существующих, борющихся людей. Все им с первого взгляда ясно, линию своего поведения они определяют с завидной быстротой, не втрачивая на это никаких душевных сил, и поэтому непонятно,

зачем автору понадобилось писать такой длинный роман и столько возиться с Мещеряковым и с Карчевским, раз его герои так хорошо во всем разбираются. Но что означает практически такая обрисовка положительных героев? Только то, что реально трудности, с которыми они неизбежно сталкиваются, остаются художественно прераскрытыми.

Значая, № 7, 8, 9, 1956.

ночью. — Понадуй, я дам. У меня, к счастью, первая группа. — Нет! — крикнула Аллочка, бросаясь к нему. — Умолю! — Сестра Наумовна — прикрикнул Орловский. — Это необходимо для спасения человека. Только я должен предупредить вас, Герман Иванович, крови нужно много, не менее пятисот кубиков.

На какое-то мгновение Герман Иванович ощутил холодок в груди. Такое количество крови давать сразу было рискованно. Он покосился на Прохорова. Мягкий свет прожектора падал сверху, и оттого бескровное лицо больного казалось зеленоватым, зачесанные назад волосы, и брови, и ресницы — черными. Хорошо были видны каждый волосок, каждая ресничка. — Я дам свою кровь, — повторил Герман Иванович и в подтверждение этих слов начал торопливо снимать халат.

Орловский оживился. — Не будем терять драгоценного времени. Ирина Петровна, мойтесь. Станьте ассистировать. Наумова, готовьте аппаратуру. Аллочка медленно пошла к своему столу. Паркетный пол, выложенный из квадратных плит, закачался под ногами, будто падала парохода. Она сделала над собой усилие, вскинула голову и посмотрела в окно. На стекле отражались белые фигурки врачей.

Герман Иванович уложили на стол рядом с Прохоровым, ввели ему в вену иглу, и его кровь по специальному аппарату — капля по капле — пошла к Прохорову. Герман Иванович не чувствовал ни боли, ни страха. — Как, дружок, дела? — спросил Орловский.

— Отлично. Он слышал, как потрескивают кровостанавливающие пинцеты, слышал короткие реплики Орловского и по ним — по этим звукам и словам — представлял себе, как идет операция. Герману Ивановичу очень хотелось посмотреть на операцию, но этого делать было нельзя. Нужно было лежать тихо и спокойно. А попытке пошевелиться движение хотя бы пальца. Это не так просто. Это мучительно. Чтобы отвлечься, какнибудь не шевельнуться. Герман Иванович начал перебирать в памяти наиболее яркие события в своей жизни. Вспомнил свое детство. Это было еще до войны, при отце. Германа принимали в пионерский отряд. Германа принимали в пионерский отряд. Германа принимали в пионерский отряд.

— Как, дружок, дела? — спросил Орловский. — Отлично. Он слышал, как потрескивают кровостанавливающие пинцеты, слышал короткие реплики Орловского и по ним — по этим звукам и словам — представлял себе, как идет операция. Герману Ивановичу очень хотелось посмотреть на операцию, но этого делать было нельзя. Нужно было лежать тихо и спокойно. А попытке пошевелиться движение хотя бы пальца. Это не так просто. Это мучительно. Чтобы отвлечься, какнибудь не шевельнуться. Герман Иванович начал перебирать в памяти наиболее яркие события в своей жизни. Вспомнил свое детство. Это было еще до войны, при отце. Германа принимали в пионерский отряд. Германа принимали в пионерский отряд. Германа принимали в пионерский отряд.

— Как, дружок, дела? — спросил Орловский. — Отлично. Он слышал, как потрескивают кровостанавливающие пинцеты, слышал короткие реплики Орловского и по ним — по этим звукам и словам — представлял себе, как идет операция. Герману Ивановичу очень хотелось посмотреть на операцию, но этого делать было нельзя. Нужно было лежать тихо и спокойно. А попытке пошевелиться движение хотя бы пальца. Это не так просто. Это мучительно. Чтобы отвлечься, какнибудь не шевельнуться. Герман Иванович начал перебирать в памяти наиболее яркие события в своей жизни. Вспомнил свое детство. Это было еще до войны, при отце. Германа принимали в пионерский отряд. Германа принимали в пионерский отряд. Германа принимали в пионерский отряд.

— Как, дружок, дела? — спросил Орловский. — Отлично. Он слышал, как потрескивают кровостанавливающие пинцеты, слышал короткие реплики Орловского и по ним — по этим звукам и словам — представлял себе, как идет операция. Герману Ивановичу очень хотелось посмотреть на операцию, но этого делать было нельзя. Нужно было лежать тихо и спокойно. А попытке пошевелиться движение хотя бы пальца. Это не так просто. Это мучительно. Чтобы отвлечься, какнибудь не шевельнуться. Герман Иванович начал перебирать в памяти наиболее яркие события в своей жизни. Вспомнил свое детство. Это было еще до войны, при отце. Германа принимали в пионерский отряд. Германа принимали в пионерский отряд. Германа принимали в пионерский отряд.

— Как, дружок, дела? — спросил Орловский. — Отлично. Он слышал, как потрескивают кровостанавливающие пинцеты, слышал короткие реплики Орловского и по ним — по этим звукам и словам — представлял себе, как идет операция. Герману Ивановичу очень хотелось посмотреть на операцию, но этого делать было нельзя. Нужно было лежать тихо и спокойно. А попытке пошевелиться движение хотя бы пальца. Это не так просто. Это мучительно. Чтобы отвлечься, какнибудь не шевельнуться. Герман Иванович начал перебирать в памяти наиболее яркие события в своей жизни. Вспомнил свое детство. Это было еще до войны, при отце. Германа принимали в пионерский отряд. Германа принимали в пионерский отряд. Германа принимали в пионерский отряд.

— Как, дружок, дела? — спросил Орловский. — Отлично. Он слышал, как потрескивают кровостанавливающие пинцеты, слышал короткие реплики Орловского и по ним — по этим звукам и словам — представлял себе, как идет операция. Герману Ивановичу очень хотелось посмотреть на операцию, но этого делать было нельзя. Нужно было лежать тихо и спокойно. А попытке пошевелиться движение хотя бы пальца. Это не так просто. Это мучительно. Чтобы отвлечься, какнибудь не шевельнуться. Герман Иванович начал перебирать в памяти наиболее яркие события в своей жизни. Вспомнил свое детство. Это было еще до войны, при отце. Германа принимали в пионерский отряд. Германа принимали в пионерский отряд. Германа принимали в пионерский отряд.

зачем автору понадобилось писать такой длинный роман и столько возиться с Мещеряковым и с Карчевским, раз его герои так хорошо во всем разбираются. Но что означает практически такая обрисовка положительных героев? Только то, что реально трудности, с которыми они неизбежно сталкиваются, остаются художественно прераскрытыми.

Зная описываемую им среду, писатель в самых общих чертах, схематично наметил некую «правильную» расстановку фигур. Были намечены им и жизненно верные характеры (скорее, правда, описанные и объясненные, чем нарисованные). Однако, верно «рассставив» своих героев, писатель затем не сумел столкнуться ни между собой в серьезном жизненном конфликте, во взаимодействии и в борьбе.

Это обусловило и такую особенность разбора произведения, как крайняя «несообразность», неорганизованность, аморфность его сюжета, наличие здесь дорог и тропинок, которые нигде не ведут, и ружей, которые не стреляют... Чрезвычайно характерна в этом отношении вся линия взаимоотношений Карчевского с Лидой — умной и хорошей, но некрасивой дочерью профессора Радина. Самым логичным, очевидно, было бы представить себе, что человек типа Карчевского пожелает как-то «использовать» в корыстных целях расположение профессорской дочки. Однако этого не случилось. И вообще ничего не случилось, не произошло столкновения взглядов, чувств, настроений — герои спокойно разошлись в разные стороны. И так во всем. Конфликт, едва наметившись, уже снимается, сам собой «рассасывается».

3. К. Лебедев, затронув острую проблему, стремится тут же пригнать ее остроту. Это чувствуется и в изображении тревог и неприятностей, выпавших на долю профессора Радина. Здесь мы сталкиваемся с видимостью острого конфликта, с иллюзорностью «борения страстей».

1948 год. Августовская сессия ВАСХНИЛ. Профессора Радина, заведующего кафедрой общей биологии, партбюро и дирекция института просят на заседании Ученого совета сделать основной доклад по итогам сессии. Это предложение не доставляет Радину никакого удовольствия. Формы, в которых проходила на сессии дискуссия, заставляют его насторожиться. Он сообщает профессору Петрову, секретарю партбюро, что сможет сделать доклад лишь при условии, если ему позволят критически подойти к материалам сессии. Последний ответ, что «критически подойти не только позволительно, но даже попросить».

На Ученом совете доклад Радина принимают в штыки профессор Мещеряков и его присные. Но зато заступником Радина оказывается Петров.

Больше того, по инициативе и при поддержке Петрова Радин пишет полемическую статью по вопросам, поднятым во время биологической дискуссии. И хотя Мещеряков как редактор «Ученых записок» института решительно отказывается дать Радину трибуну «для пропаганды ошибочных идеологических взглядов», Радин и его сторонники явно берут над ним верх на страницах романа.

К сожалению, в живой действительности все происходило куда сложнее. И здесь уместно поставить вопрос уже более общего порядка. Правом ли для современного писателя выступление в роли «пророка, предсказывающего назад»? Вправе ли он облегчать изображение борьбы, имевшей место в реальной жизни, «звездным числом» облегчать те испытания характера, которые проходили люди в процессе этой борьбы?

Несомненно, К. Лебедев задумал свой роман как произведение, направленное против лакировки действительности. Но последовательным он оказался только на полпути. А в результате этого реалистической картины не получилось и ее подменила прекраснотушная схема.

того, что это он спасает человека, возвращает его товарищам, невесте, родителям, комсомолу. Никогда еще в жизни Герман Иванович не ощущал такой яркой, всепоглощающей радости. — Не хвратитесь, Герман Иванович, — сказал Орловский. — Берите еще, берите.

Он великолепно понимал: каждый лишний грамм крови — это лишний шанс на спасение человека. А ему ничего сейчас так не хотелось, как спасти этого простого рабочего паренька, ставшего вдруг родным и близким человеком.

— Герман Иванович, я прекращаю... — Нет, нет, продолжайте. Ему стало совсем легко, будто он делался невесомым, воздушным, и стояло вымахнуть руками — он полетит по комнате. Но рука отведена, и ею нельзя шевелить.

Аллочка теперь только поняла, что она надела: из-за нее могут погибнуть два человека. И один из них тот, кто ей дороже всего в жизни. Ее стало знобить, в горле царапало, и она то и дело облизывала губы...

— Сейчас половина четвертого, — услышал Герман Иванович, как через стену, голос Орловского. Он прижал к груди забинтованную руку, лег удобнее и прежде всего посмотрел на Прохорова. Лицо больного уже не было бескровным и зеленоватым: на щеках выступил румянец, дышал он ровно и глубоко, стонал реже и громче.

«Теперь жить будет», — подумал Герман Иванович и, почувствовав сильную слабость, закрыл глаза. «Милый мой, я виновата, я очень виновата...» — шептала Аллочка, глядя на него издали и боясь приблизиться. Она видела, что и он и большая жизнь, и не могла удержать радостных слез.

— Чаю им крепкого, — распорядился Орловский. — С сахаром. И варенье малиновое у меня в кабинете возьмите. Она ничего не ответила и только кивнула головой.

— Вы чего это? Да не плачьте. Коли все обошлось благополучно, ограничьтесь выговором. Но вперед учтите. Запомните, дружок. На всю жизнь запомните.

Он ушел «размываться». И в операционной долго было слышно, как он пофыркивает и разбрызгивает воду.

ДОБРОГО ПУТИ!

Стихи Льва Халифа

Неизвестный солдат

Устал последний штрих лица
Взвешивая ударом резца,
И каменным спеклом
грохочущих дат
На площади астал
Неизвестный солдат.
И сложилось поверье
с тех пор
К безымянному сыну
из всех деревьев
Седые матери
шли узнать
В нем своих
не пришедших с войны
сыночек...

Пирующих бойцов вывели!
Победу праздную в боях
Они как будто
вышли из медалей,
Чуть помоложе,
шире чуть в плечах.

Вот запросто
вокруг устелись,
Пригнув стопы на столе,
И в сотый раз
наметается новоселье
На трудно обжитой Земле.

И кто-то память
за живое тронет,
И сердце песней
заберет в тиски...

И кто-то спрячет белые виски,
И кто-то спрячет белые ладони...

К сыну

Промелькнули вдали
Головые осыны,
Мать приехала
К сыну.

Простулат на окнах
рассвета синь.
Город-герой
встает перед ней,—
Земля,
которую сын
Грудью закрыл собой.

Строгий камень.
Венки у ног.
Давно остывший
автомат в руках.
Но даже скульптор,
и тот не смог
Убрать
непокорные пряди с виска.

Только мать
их смогла бы убрать.
Только
мать.

Строгий камень.
Не знает мать,
Как ей сына
Теперь
обнять.

Певать на золото!

Часты руки
в пустоте жаренной стыннут,
И ты немало зол на то,
Будет время
и урны сделаем
золотыми:

— Певать
на золото!
Сохнет, тоскуя,
хоть много света,
Под ветром степным,
над прудом сиротливым.
Пустынно и скудно.
Может, поэтому
Плачет
плакучая ива!

То было вчера,
а сегодня,
Цвела веселее и лучше,—
Вот тебе море,
ива плакучая,—
Только
Не плачь!

Приветствие Л. Ф. Воронковой

В связи с 50-летием писательницы Л. Ф. Воронковой правление Союза писателей СССР и правление Московского отделения Союза писателей СССР послало ей приветствие, в котором отмечается, что миллионы ребят у нас в стране и за рубежом знают и любят ее книги. «Девочка из города» и «Подружки идут в школу», «Солнечный денек» и «Старшая сестра», «Золотые ключики» и «Беспомощный человек» открывают перед юными читателями светлый мир нашей Родины, учат их уважать труд взрослых, вызывают интерес к самостоятельной деятельности.

В приветствии отмечается большая работа Л. Ф. Воронковой в редколлегиях детских журналов, редакционном совете детского издательства, в комиссиях Союза писателей, в Литературном фонде.

НОВЫЕ КНИГИ

ИСКУССТВО
Аппатов М. Александр Андреевич Иванов. Жизнь и творчество. 1806—1858. Т. I. «Искусство». 418 стр. Цена 53 руб. 30 коп.
Бруштейн А. Страницы прошлого. Издание переработанное и дополненное. «Советский писатель». 396 стр. Цена 7 руб. 10 коп.
Вантури Л. Художники нового времени. Перевод с итальянского Л. Вроноской. Издательство иностранной литературы. 112 стр. Цена 18 руб. 15 коп.

Вингер В. Борьба течений в итальянском искусстве XVI века (1520—1580). К проблеме кризиса итальянского гуманизма. Издательство Академии наук СССР. 371 стр. Цена 28 руб.

Гнесин М. Мысли и воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове. Музгиз. 335 стр. Цена 29 руб. 20 коп.
Еменгодин И. Московское Художественное театры. 1951—1952. «Искусство». 415 стр. Цена 29 руб. 20 коп.

Залдановское искусство. Сборник статей. Т. I. «Искусство». 284 стр. Цена 27 руб. 80 коп.
История русской советской музыки. В 4-х томах. Т. I. Музгиз. 330 стр. Цена 14 руб. 10 коп.

Композиторы «Могучей кучки» о программах музыки. Избранные отрывки из писем, воспоминаний и критических статей. Музгиз. 187 стр. Цена 3 руб. 50 коп.

Мерсийон А. Кино и монополии в США. Перевод французского П. Линднер. Издательство иностранной литературы. 297 стр. Цена 9 руб. 60 коп.
Очерки истории советского кино. В 3-х томах. Т. I. «Искусство». 524 стр. Цена 40 руб. 70 коп.

Первая русская революция и театр. Статьи и материалы. «Искусство». 351 стр. Цена 18 руб. 85 коп.
Сценарии польского кино. Сборник. «Искусство». 348 стр. Цена 14 руб. 30 коп.

Как приятно старому турецкому поэту писать напутствие молодому русскому поэту! Какой чудесный пример интернационализма!

И пишу это напутствие с огромной радостью. Мне кажется в русскую советскую поэзию. Правда, я не знаю русского языка во всех его тонкостях, но я чувствую это опытом старого поэта.

Из этих пяти стихотворений мне очень понравился «Певать на золото!», «Неизвестный солдат», «К сыну» и «Ива». Это добротные построенные злания. Невозможно сдвинуть с места ни одного камня.

Я люблю в поэзии ясность. В построении строки и предложениях из всех возможных вариантов я предпочитаю тот, который наиболее близок к живому разговору. Мне кажется, что в стихах Халифа есть приращение к инкогнитуальности и вытекающей. А может быть, это мне кажется потому, что я недостаточно хорошо знаю русский язык.

В поэзии я не люблю загадок. Тот день, когда в «Литературной газете» появятся стихи Халифа, будет радостным для меня.

Доброго пути, брат мой, Халиф!

Назвям ХИКМЕТ

ВПЕРЕДИ — БОЛЬШАЯ РАБОТА

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

На днях в Тбилиси состоялся расширенный пленум Правления Союза писателей Грузии. Пленум обсуждал вопрос о преодолении последствий культуры личности и задачах современной грузинской литературы. С обширным докладом выступил секретарь ЦК Компартии Грузии тов. Д. В. Мведилишвили.

На заседаниях присутствовали не только члены правления Союза, но и писатели Тбилиси, Сухуми, Кутаиси, Батуми, Сталинири — от самых молодых, что еще не приняты в союз, до самых маститых — и не только писатели, но партийные и советские работники, деятели искусства. Ведущие писатели Грузии активно участвовали в работе пленума.

Как известно, культ личности Сталина приобрел в Грузии особенно преувеличенные размеры. На протяжении многих лет в республике действовала бериевская шайка, которая, в частности, терроризировала грузинскую советскую интеллигенцию, избивала честные писательские кадры. Эта шайка злостно искажала ленинскую национальную политику, пыталась разжечь среди населения Грузии национальную рознь.

Но проноси бериевцев потеряли крах Грузинский народ всегда был горячим сторонником дружбы между народами — такова была мысль многих выступлений писателей — Правильно понимаемое чувство национальной гордости не может противоречить интернационализму, наоборот, национальные чувства советских людей увеличивают их ответственность за всю большую Советскую Родину, усиливают советский патриотизм, — подчеркивает писатель М. Мведилишвили.

Писатель К. Гамсахурдиа подробно цитирует работу В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации»». Затем он говорит о том, что между русским и грузинским народами никогда не было вражды.

Мы боролась вместе против общих врагов, а ничто так не связывает народы, как вместе пролитая кровь. Но пропаганда и укрепляла дружбу народов, — продолжает К. Гамсахурдиа, — мы должны учитывать, что в этом деле необходим большой такт. Были такие усердные «деятели», которые, например, из книг грузинских классиков Казбеги и И. Чавчавадзе вырывают критику русских царских чиновников и офицеров. Что же тогда делать с Гоголем и Толстым?

О дружбе народов, о давних традиционных связях грузин, армян, русских, абхазцев, осветил говорили Б. Сейранян (председатель секции армянских писателей СП Грузии), Ш. Аковия, В. Мачавариани и другие.

Один из старейших и крупнейших писателей Грузии Ш. Дадина рассказал о сложных идейно-творческих поисках многих литераторов своего поколения и о том, как затем полностью и безраздельно эти литераторы пошли вместе с партией и советским народом. Ш. Дадина не согласился с упреками некоторых критиков в отношении романа «Юрий Богородицкий» русско-грузинские связи, грузино-русские дружбы представлены искаженно Роман написан о событиях XII—XIII веков Русь XII века с ее раздробленными удельными княжествами — это не Россия последних столетий. Создавая образ Юрия Богородицкого, наделяя его многими отрицательными чертами, писатель исходил из исторических документов. Наконец, — это главное, — в том же романе есть другой русский персонаж — Кузьма, образ глубоко положительный. Почему же критика замечает Юрия Богородицкого и игнорирует Кузьму? Россия, заключает Ш. Дадина, не нуждается в лести и в извращении ее истории.

Естественно, наибольшее внимание пленум уделит тому, как культ личности проявился в грузинской, и не только грузинской, литературе, как он влиял на творческую практику литераторов.

Выступая один из самых известных мастеров грузинской прозы Л. Кичаели, — XX съезд партии, — говорит Л. Кичаели, — проявил в вопросе о культуре личности огромную принципиальность; не умяла заслуг Сталина перед партией и социалистическим государством, он со всей строгостью оценил его ошибки.

— Постоянно, односторонне воспевая одного человека, — отмечает в своей речи тов. Г. Леонидзе, — мы стали все хуже знать жизнь народа, жизнь простых людей. Г. Леонидзе призывает писателей глубоко изучать современную жизнь народа, рассказывает о своих творческих планах, о начатой им новой поэме «Мой сад», показывающей простых советских людей.

Молодой прозаик Р. Джгаридзе говорит о глубоких корнях, которые пустил в жизни республики культ личности, о сложности борьбы против его пережитков. Приводя конкретные примеры и факты, Джгаридзе призывает писателей мужественно и честно выполнять свой гражданский долг, решительно бороться с пережитками.

Выступая один из самых известных мастеров грузинской прозы Л. Кичаели, — XX съезд партии, — говорит Л. Кичаели, — проявил в вопросе о культуре личности огромную принципиальность; не умяла заслуг Сталина перед партией и социалистическим государством, он со всей строгостью оценил его ошибки.

— Постоянно, односторонне воспевая одного человека, — отмечает в своей речи тов. Г. Леонидзе, — мы стали все хуже знать жизнь народа, жизнь простых людей. Г. Леонидзе призывает писателей глубоко изучать современную жизнь народа, рассказывает о своих творческих планах, о начатой им новой поэме «Мой сад», показывающей простых советских людей.

Молодой прозаик Р. Джгаридзе говорит о глубоких корнях, которые пустил в жизни республики культ личности, о сложности борьбы против его пережитков. Приводя конкретные примеры и факты, Джгаридзе призывает писателей мужественно и честно выполнять свой гражданский долг, решительно бороться с пережитками.

Естественно, наибольшее внимание пленум уделит тому, как культ личности проявился в грузинской, и не только грузинской, литературе, как он влиял на творческую практику литераторов.

тельно выступать против недостатков нашей действительности, чутко подхватывать и поддерживать все новое.

Критик Б. Жген-ти характеризует объективные и субъективные причины возникновения культуры личности, он рассказывает о потребностях, которые понесла писательская организация от шайки Берия. Долгие годы среди творческой интеллигенции республики было распространено повторение чужих мыслей, ошибочные мнения и оценки бывших руководителей республики. Этого было невозможно. Так возникла уникальная, робость писательской мысли, особенно в литературной критике. Эти недостатки не изжиты до конца и до сих пор.

Как бы подводя общий итог почти всем выступлениям, критик С. Чилая энергично подчеркивает неправильность и вред инглистического отношения ко всей литературе, созданной в период культуры личности. Нельзя не видеть серьезных слабостей литературы: были в ней и схематические и гимнастические произведения. Это ошибочно считать, что в литературе, например, тридцати годов все плохо, все полностью испорчено влиянием культуры личности. Есть книги, где это влияние почувствовать нельзя, например, в широко известных романах «Глади Бигва» Л. Кичаели, «Заря Колхиды» К. Лордкипандидзе. И не все книги, в которых проявились влияние культуры личности, безжалостно плохи: в них немало ценного, художественного. Есть годы, когда у литературы были большие достижения, есть годы, когда их было меньше, но путь грузинской литературы один и тот же — путь неуклонного развития всей советской литературы. С этой точки зрения С. Чилая справедливо опроверг утверждение Б. Жген-ти, будто грузинская литература тридцатых, сороковых и пятидесятых годов беднее, чем она была в двадцатые годы.

— Не панегриками, а произведениями, где талантливо и глубоко изображена жизнь народа, грузинская советская литература вызвала интерес к себе у всевозможного читателя, — говорит тов. С. Чиковани. — К сожалению, панегрический стиль еще остался и чувствуется в нашей поэзии. Поэтому, например, стихи о дружбе народов часто похожи друг на друга, в них почти не бывает оригинального образного решения темы. Панегрическая литература, по сути, не имеет национальной формы.

С. Чиковани высказывается затем против ложной актуальности в литературе. С сожалением говорит он дальше о том, что в нашей критике и литературоведении, особенно в центральных журналах, стало уже привычным решать общие вопросы развития советской литературы на материале одной только русской литературы. Это иногда приводит к односторонним, неправильным выводам. Почему бы, рассуждая, например, о советском историческом романе, не учесть большого опыта грузинской прозы в этом жанре? Почему бы не исследовать подробно большой вклад грузинской поэзии в многонациональную советскую поэзию? Проблема взаимодействия и взаимовлияния братских литератур до сих пор нуждается в серьезной научной разработке.

Е

